

Алекс. Канерман. - 1999 - 5 ноября. - с. 4

То ли в силу наступающего критического возраста, то ли начальственных амбиций у некоторых господ артистов едет крыша. Для их публичного поведения характерна опасная симптоматика: потеря контроля над собой, сотрясание воздуха фразами, от которых нормальным людям становится явно не по себе. К тому же налицо упорное памятникостроение, бронзовение и обормозение. Достаточно почитать их высказывания, чтобы всерьез озаботиться состоянием здоровья ораторов. Мы познакомимся с устным и письменным творчеством худрука театра "Сатирикон" Константином Райкиным.

Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ...

Буквально с первой же фразы нашли ответ на мучающий "МК", и не только "МК", вопрос: что же происходит с талантливым человеком? Похоже, он нащупал формулу успеха для любого актера.

"У актера должен быть принцип: сначала сделай, а потом подумай. Думать надо телом, а не головой. А критики зациклились на том, что мой Гамлет нюхает носки".

Ну и что же надумал он своим туловищем? О, интересные мысли попадают в народ после нескольких эффектных манипуляций актерским аппаратом. Например, такая:

"Не буду врать, мне приятно, когда меня таким образом обсуждают. Я помню эту статью, в которой человек размышлял, гениален я или нет". Или такая:

"Звучит хвастливо, но мне иногда кажется, что мой характер близок к идеальному в смысле театрального дела".

Теперь нам ясно, что длинный шершавый язык, вылизывающий все места на актерском теле, — любимый орган народного артиста. Ясный перец, что всякий, кто имеет иное мнение о творчестве художника и его коллектива или его вообще не имеет, автоматом зачисляется во вражеский корпус. Этот корпус проявляет в артисте до сих пор не раскрытые режиссерами качества невозддержанного агрессора, который кроважодно сообщает:

"Мне вообще хочется их (критиков, журналистов. — "МК") как можно чаще задевать. Мстительно хочется доставить им хоть часть той боли, которую они приносят мне и моим товарищам".

Особенно возбуждают те, кто о К.Р. и его "Сатириконе" вообще не упоминает. Например, "Московский комсомолец". Ну очень "МК" мешает ему спокойно трудиться и спать.

Светлых мыслей, отличающихся поэтическим примитивизмом, откровенно пишущих людей — у К.Р. больше всего. Такое ощущение, что и делать ему больше нечего, как читать-перечитывать все написанное о нем и... ненавидеть, ненавидеть... Все знают, что К.Р. не угодишь, — вот такой он требовательный художник. Хорошо про него напишут, плохо ли — все не годится. Похоже, ему самому пора начать издавать боевой листок, печатающий вариации на тему "Гениален я или нет?".

"Что вы хотите от пишущей братии? Там совершенно поверхностные журналисты, которые вообще к театру не имеют никакого отношения, либо маститые театроведы — наукообразные люди, которые изучают тебя, как некое животное".

Ну никого не пожалел — ни стариков-академиков, ни молодых неучей. Нет, прав старик Фрейд — что-то здесь не в порядке...

"Я терпеть не могу, когда обо мне или моем театре говорят снисходительно, когда появляются заносчивые и пренебрежительные реплики критики. Правда, в последнее время их все меньше и меньше, потому что приходится с нами считаться. Нельзя не учитывать факты: количество наград, которые мы получаем, постоянное куда-то "номинарование". Мы все время создаем прецеденты театрального бума, куем "гвозди сезона", будоражим театральную среду".

Видели мы эти "гвозди" на юбилее "Сатирикона", которому, по всем логическим подсчетам, никак 60 быть не может. Но все он, комплекс величия, виноват — и года набросит, и факты исказит. А на юбилее в "Сатириконе" до зевоты было скучно. Самым ярким номером прошел мешок лошадиного навоза, вываленного Александром Ширвиндом в знак доброй приметы — к деньгам. Деньги деньгами, но есть вещи и пошлее. За что люди жизнь кладут, никого не пожалеют. Вот, к примеру, такая мысль:

"Я чувствую себя избранныком судьбы. Если она сделала меня сыном моего папы, значит, от меня кто-то чего-то хочет".

О богоизбранности, особом предназначении и пр. — это мы уже проходили. Многие на этом свихнулись и плохо кончили. Но, похоже, исторические уроки — для других, потому что К.Р. восклицает:

"Я ведь тоже принц. Я ведь сын короля!"

Ну что тут скажешь? Может, доктора позвать?

К.Р. — очень хороший родственник, дорожащий честью фамилии. Иначе бы он не позволил себе нижеприведенного высказывания:

"У меня нет желания рвать с родством, иначе я стану похож на Жириновского, который говорит, что его отец — юрист. Стараться забыть о родных корнях — это, по-моему, негодяйство".

Но, как говорится, не всякий артист, думающий телом вместо головы, отвечает за свои слова. Ибо в испепеляющей его борьбе с критиками, журналистами и пр. врагами театра К.Р. не щадит никого, даже носителей собственной фамилии. Вот такой он принципиальный, прямо как Павлик Морозов.

"Обожаю простодушное искусство. Но это вовсе не значит, что я — примитивный человек. Во всяком случае, не примитивнее тех, кто меня обвиняет в каких-то популистских мотивах. Разве они не чувствуют, что я — не дешевый человек?"

В статье использованы цитаты из интервью Константина Райкина, опубликованных в журналах "ТВ-парк" и "Семь дней", "Независимой газете", газете Дома актера "Культура", в "Общей газете" и "Московской правде".

Катя САХАРОВА.